

Знакомый и теплый древесный шлейф духов окутал его, и неожиданно нахлынуло острое чувство обиды. Е Чжицю уткнулся лицом в плечо Цинь Цзяньхэ и замер.

Он молчал и изо всех сил старался подавить это невыразимое чувство. Это чувство было незнакомым, Е Чжицю почти никогда его не испытывал.

Даже когда в прошлой жизни с ним так обращались, даже когда его крылья были полностью сломаны, даже когда его постепенно втоптывали в грязь, и он не мог даже дышать... Даже позже, когда он наконец понял всю правду.

В его сердце было больше всего отчаяния, боли, неверия.

А также гнева, ненависти и сожаления.

Все эти эмоции у него были, но только не обида.

Потому что неверный путь выбрал он сам, и не тому человеку поверил тоже он сам...

В его костях была заложена решимость, поэтому он, стиснув зубы, принял все эти горькие плоды.

Только иногда он мечтал.

Мечтал о том, какой яркой и светлой была бы его юность и жизнь, если бы всего этого не произошло.

А эта мечта, в свою очередь, превращалась в клинок, безжалостно мучая его.

Бесконечно, по кругу.

Как бездонная пропасть, как бы он ни старался, он не мог увидеть конца и не мог нащупать свет.

Поэтому, даже когда он случайно въехал на машине в озеро, он не боялся смерти.

Для него тогда смерть была лишь одним из способов освобождения.

Но сейчас...

Никто не говорил ему ни слова упрека, никто не обижал и не обвинял его, и даже кто-то так

бережно заботился о нем.

Но необъяснимым образом он чувствовал себя обиженным, чувствовал, как в груди всё горит, а кончик носа и уголки глаз неконтролируемо покалывают.

В комнате царил тишина. Цинь Цзяньхэ обнимал его, не говоря ни слова. Его объятия были тёплыми и широкими, как безмолвные и спокойные горы, невероятно надёжными. Это позволило сердцу Е Чжицю наконец успокоиться.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем Цинь Цзяньхэ наконец пошевелился. Он поднял руку и очень осторожно положил ладонь на затылок Е Чжицю, нежно поглаживая его волосы.

— Со мной всё в порядке. — Почувствовав сильное успокаивающее значение в его действиях, Е Чжицю инстинктивно поднял глаза.

Цинь Цзяньхэ опустил взгляд на него и поднял руку, слегка коснувшись уголка его глаза.

Е Чжицю не плакал, выражение его лица можно было даже назвать спокойным, но в уголках его узких, раскосых глаз всё же был едва заметный румянец, которого обычно не было.

— Угу, — тихо ответил Цинь Цзяньхэ, — всё в порядке.

Е Чжицю поджал губы и опустил глаза, глядя на розу в руке Цинь Цзяньхэ.

Пальто всё ещё висело на его локте, и из-за изгиба руки роза всё ещё была слегка приподнята.

— Я и не думал, что ты такой добрый, — тихо сказал Е Чжицю спустя некоторое время, — ещё и забота о пожилых людях, продающих цветы.

— Я всегда был добрым, — очень тихо рассмеялся Цинь Цзяньхэ, — если ты проведёшь со мной больше времени, то сам обязательно обнаружишь ещё больше.

Как по заказу, роза в руке Цинь Цзяньхэ покачнулась пару раз.

— Тц.

Никогда не видел такого самовлюблённого человека.

Е Чжицю тихо цокнул языком и, наконец, не смог сдержать смех.

Он протянул руку и взял розу.

Изначально холодный стебель цветка уже был согрет. Е Чжицю сжал его в ладони, невольно усиливая хватку.

Не только эта температура обжигала его ладонь, но и смутное беспокойство из-за того, что он протянул руку.

Он никогда не был таким нерешительным.

Даже падение в прошлой жизни было наполнено бесповоротной решимостью.

— Тогда, — Е Чжицю сменил тему разговора, намеренно игнорируя это странное чувство, — что мы будем есть вечером? Будем готовить рыбку голову?

Цинь Цзяньхэ посмотрел на него, и в его глазах наконец появилась лёгкая улыбка.

— Завтра, — сказал он, — когда ты немного восстановишься.

Е Чжицю: ...

Кажется, он и не особо...

— Сегодня вечером не будем, — Цинь Цзяньхэ посмотрел на него, — отдохни.

— Я знаю, ты же только что сказал, что будем готовить завтра? — На середине фразы Е Чжицю неожиданно встретился взглядом с улыбающимися глазами Цинь Цзяньхэ и вдруг всё понял.

«Готовить», о котором говорил Цинь Цзяньхэ, не имело отношения к приготовлению рыбы.

Чёрт, что имеет в виду Цинь Цзяньхэ?

Как он может так плавно переключаться и без изменения выражения лица снова заводить разговор об этом?

— Так не пойдёт, — Е Чжицю снова захотел выдвинуть свою теорию.

— Почему не пойдёт, Е Чжицю, — Цинь Цзяньхэ посмотрел на него, с трудом подавляя улыбку, — выбери одно: заниматься этим или рыбку голову.

Чёрт, это слишком сложно. Парень моргнул, долго не говоря ни слова.

— Е Чжицю, — Цинь Цзяньхэ снова обнял его, мягко уговаривая, — в таких отношениях не обязательно заниматься этим, можно обниматься, целоваться, утешать друг друга.

Е Чжицю помолчал, и почему-то вдруг подумал о Е Хунсяне.

Хотя думать о нем в такой ситуации было немного странно, но Е Хунсянь в его возрасте проводил вне дома семь-восемь ночей из десяти. Если подумать, то, наверное, не каждый день...

— Кхм, — Е Чжицю кашлянул и наконец сделал выбор, — буду рыбью голову.

— Будешь рыбью голову, — Цинь Цзяньхэ посмотрел на него с лукавой улыбкой, — Е Чжицю, ты очень жадный.

— Чёрт, — Е Чжицю выругался и рассмеялся, поддразниваемый им.

Видя, что он смеётся до слёз, Цинь Цзяньхэ взял его за запястье и притянул к себе.

— Хорошо, — спросил он, — что ещё ты хочешь съесть, кроме рыбьей головы?

— Ещё хочу куриный суп, — почти не задумываясь, выпалил Е Чжицю.

За те несколько дней, что он провёл за границей, он постоянно вспоминал куриный суп, который варил Цинь Цзяньхэ. Вкуснее, чем тот, что продаётся в магазинах.

— Хорошо, — Цинь Цзяньхэ рассмеялся и потрепал его по голове.

Е Чжицю поднял на него глаза и невольно отступил на шаг назад.

Он немного помолчал, держа в руках розу, затем отошел, чтобы найти ножницы, подрезать стебель и поставить цветок вместе с пластиковой розой.

А Цинь Цзяньхэ тем временем спокойно взял пальто и пошёл переодеваться в домашнюю одежду, затем вымыл руки и направился на кухню.

Не Фэнцзюнь всегда беспокоилась, что он, будучи занятым, может остаться без еды, поэтому время от времени отправляла к нему домой овощи, фрукты, мясо, яйца и другие продукты. Среди них, конечно же, не обходилось и без готовых блюд. Например, говядина по-сычуаньски, которую Е Чжицю подал вчера вечером, была заранее приготовлена Фу Минцзином.

Фу Минцзинь — профессор университета, и помимо преподавания и научной работы, больше всего на свете любит готовить.

Хотя в вилле на склоне горы всегда есть домработница, но как только Фу Минцзинь оказывается дома, кухня становится его вотчиной. Он очень любит готовить сам, особенно для Не Фэнцзюнь, различные питательные и укрепляющие здоровье супы и отвары. Заодно он очень заботливо опекает и Цинь Цзяньхэ.

Можно сказать, что Е Чжицю, ворвавшись в жизнь Цинь Цзяньхэ, превратил стоячую воду в журчащий ручей.

Тогда как Фу Минцзинь был своего рода катализатором в его жизни. Именно он впервые показал ему совершенно другую сторону отношений. Но даже тогда Цинь Цзяньхэ всё ещё считал, что эта сторона чрезвычайно ценна и редка, и не каждому посчастливится её обрести.

Пока в его мир не вошёл Е Чжицю.

Цинь Цзяньхэ ловко промыл рис и поставил его вариться, затем достал из морозилки куриные лапки, которые привезли вместе с тушёной говядиной, и поставил их разогреваться.

Затем он нарезал баранину ломтиками, зелёный лук — соломкой и поставил вариться кастрюлю с ароматным бараньим супом.

А в гостиной Е Чжицю только что достал свой ноутбук и поставил его на обеденный стол, собираясь закончить дизайн-проект, который не успел сделать в Лондоне.

Но как только компьютер включился, зазвонил его телефон. Звонил Ци Синь.

На самом деле, после обеда, когда Е Чжицю обсуждал рабочие вопросы с Чжан Мянем, он уже получил сообщение от Ци Синя. Судя по времени, тот, наверное, только что приземлился.

Ци Синь написал, что долго ждал его в Париже, специально поехал в отель Q.L., чтобы найти Е Чжицю, и только там узнал, что тот уже вернулся в Китай. Ни словом не упомянул о существовании Цзян Наня.

В тот момент Е Чжицю был занят, поэтому просто взглянул на сообщение и вышел из приложения.

Закончив работу, он давно забыл о Ци Сине.

Эта жизнь уже не похожа на предыдущую. Е Чжицю больше не принимал близко к сердцу ничего, что касалось Ци Синя. Не говоря уже о том, что у него просто есть связь с Цзян Нанем,

даже если бы они оказались в одной постели, Е Чжицю бы ничего не почувствовал. Возможно, он бы даже подумал, что они два сапога пара.

Сейчас это было всего лишь сообщение. Сообщение от человека, которого обвели вокруг пальца, как последнего дурака, но который даже не смеет упрекнуть или задать вопрос. Е Чжицю тем более не стал бы принимать это близко к сердцу.

Позволив телефону звонить, Е Чжицю открыл программу для рисования, а затем невозмутимо ответил на звонок. Он не стал ничего скрывать и сразу включил громкую связь.

Перелёт из Парижа занял целых двенадцать часов, за которые Ци Синь измучился от усталости и недосыпа, а ещё его одолевали мысли, отчего у него ужасно болела голова. Но стоило ему закрыть глаза, как разум становился необычайно ясным.

Сойдя с самолёта, он тут же тщательно сформулировал сообщение для Е Чжицю.

В основном, он старался давить на жалость.

Написал, что долго ждал Е Чжицю в Париже, что специально ездил в отель Q.L., что коллеги парня сказали ему, что тот уже вернулся в Китай, спросил, почему он не сказал ему заранее, написал, что очень-очень скучает по нему...

Он постарался сделать тон максимально спокойным и не использовал никаких уменьшительно-ласкательных суффиксов, боясь вызвать недовольство и снова попасть в чёрный список. Не говоря уже о чувствах, даже "Циюнь" сейчас не могла обойтись без Е Чжицю. Он ни в коем случае не хотел его злить.

Отправив сообщение, Ци Синь стал ждать ответа Е Чжицю.

<http://bllate.org/book/14243/1258123>